УДК 94(47).084.1
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00028

В. В. Носков

Своевременные мысли: революция 1917 г. и судьбы русской государственности в восприятии Н. А. Бердяева

Совсем не там нужно искать основного конфликта
этой революции, где его обычно ищут.
Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции

Н. А. Бердяев входил в немногочисленную плеяду тех русских мыслителей, которые составляли духовную элиту России в переломный момент ее истории. По его собственному определению, к этому узкому кругу принадлежали «люди самого высокого уровня умственной культуры, какой только знала Россия»[1]. Бердяев занимал особое место в этой интеллектуальной элите и как автор оригинальной философско-исторической концепции, и как активный публицист. К проблеме революции в России он впервые обратился в период революционных потрясений 1905–1907 г. и не оставлял эту тему до конца жизни. Одновременно русский мыслитель занимался разработкой собственной философии истории, призванной объяснить ход всемирно-исторического процесса и место в нем России. С 1914 г. центральное место в его публицистике заняла военная проблематика. Серия статей Бердяева, написанных в годы мировой войны, стала его вкладом в осмысление предпосылок революции 1917 г. Философия истории Бердяева носила ярко выраженный религиозный характер, что накладывало особый отпечаток на восприятие им таких конкретно-исторических явлений, как Первая мировая война и Русская революция.

Подводя итоги своим размышлениям о первой русской революции, Бердяев заключал: так «безысходна драма русской революции потому, что она продолжает дело человеческого самоутверждения, человеческого властолюбия и устроения земли во имя свое; она разрушает старый империализм и хочет поставить на его место новый, революционный, демократический империализм, хотя значение государства не понимает». Государство в его представлении являлось «коррективом, внешним ослаблением хаоса, предотвращением окончательного распада», хотя русский мыслитель и сознавал, что оно «внутренне оставляет нетронутой хаотическую стихию»[2]. Как бы там ни было, очевидно, что государство как таковое являлось для Бердяева безусловной ценностью, несмотря на его критическое отношение ко всем конкретным формам русской государственности.

Статьи Бердяева, написанные по горячим следам революционных событий 1917 г., представляют собой не столько политическую публицистику, сколько философскую хронику Русской революции. Первые статьи, опубликованные непосредственно после Февраля, были наполнены, по его собственному признанию, «наивным оптимизмом». Между тем уже в них появились суждения, развитые впоследствии в его более зрелых произведениях на революционные темы. В своих сочинениях Бердяев вскрыл глубинные корни Русской революции, уходящие далеко в историю страны. «Русская революция — величайший переворот в жизни всего русского народа, во всей его исторической судьбе, — писал он. — Такие перевороты совершаются раз в ряде столетий и действуют в них все силы народные, не только нашего поколения, но и поколений прошедших»[3]. В своем анализе Бердяев опирался на профетические прозрения таких русских писателей, как Н. В. Гоголь и особенно Ф. М. Достоевский. В июле 1918 г. он писал: «...более углубленное и проникновенное познание должно открыть в России революционной образ старой России, духов, давно уже обнаруженных в творчестве наших великих писателей, бесов, давно уже владеющих русскими людьми». «Россия, раскрывавшаяся ее великими писателями, Россия Гоголя и Достоевского, может быть обнаружена и в русской революции», — отмечал он[4]. «В революции раскрылась всё та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полузвериная Россия харь и морд», — указывал Бердяев. «Сцены из Гоголя разыгрываются на каждом шагу в революционной России», а в основе «лежит старая русская ложь и обман, давно увиденные Гоголем». «Многие декреты революционной власти совершенно гоголевские по своей природе», добавлял он[5].

«В центре для меня стоят прозрения Достоевского, который пророчески раскрыл все духовные основы и движущие пружины русской революции», подчеркивал Бердяев[6]. «Русская революция пропитана теми началами, которые прозревал Достоевский и которым дал гениально острое определение», — замечал он[7]. Достоевский, в частности, понимал, что «революция совсем не то у нас означает, что на Западе, и потому она будет страшнее и предельнее западных

революций»[8]. «Достоевский предвидел, что революция в России будет безрадостной, жуткой и мрачной, что не будет в ней возрождения народного»[9]. Достоевский, писал Бердяев позднее, «с гениальной прозорливостью почуял идейные основы и характер грядущей революции русской, а может быть, и всемирной. Он — пророк русской революции в самом бесспорном смысле этого слова. Революция совершилась по Достоевскому. Он раскрыл ее идейные основы, ее внутреннюю диалектику и дал ее образ. Он из глубины духа, из внутренних процессов постиг характер русской революции, а не из внешних событий окружающей его эмпирической действительности». Достоевский по Бердяеву — «величайший изобличитель лжи и неправды того духа, который действует в революции»[10].

Бердяев постоянно подчеркивал ключевое значение Первой мировой войны в вызревании непосредственных предпосылок революции и неразрывную связь между войной и революцией. Уже в первых его статьях на революционные темы появились суждения об обусловленности революции войной и решающей роли, которую сыграли в ней вышедшие из повиновения войска. С самого начала революции Бердяев не уставал повторять, что «вопрос о войне сейчас самый тревожный и важный вопрос для свободной России». Особую тревогу вызывало у него непонимание обществом внешнеполитических целей войны. Он доказывал, в частности, что обладание проливами нужно «прежде всего русскому крестьянству» и «всему русскому государству»[11]. «В нынешний исторический час Россия может пасть жертвой глубокого неведения в отношении к этим мировым вопросам», писал Бердяев после апрельского кризиса 1917 г. «Судьба России отдается во власть фикций и призраков, ее хотят защитить силой, которая не существует и не обнаруживает никаких признаков реальности ни в чем, кроме грез русских социал-демократов. Реальные же силы подлинной истории продолжают действовать и действуют против России, уготовляя ей унижение и позор», предупреждал русский мыслитель[12].

В июле 1917 г. Бердяев писал, что «сначала война мобилизовала интересы в России, потом революция по-новому мобилизовала интересы»[13]. Он напоминал, что «русская революция протекает в атмосфере страшной войны», поэтому «все партийные группировки с их громкими лозунгами создаются под давлением войны». «В нынешний трагический момент русской истории, — продолжал Бердяев, — все партии определяются прежде всего своим отношением к войне и к международной политике. Реально в России сейчас существует только две партии — партия патриотов, желающих спасти родину, не потерявших здорового национального и государственного чувства, сознающих ответственность за всё будущее России, и не-патриотов, отрицающих самостоятельную ценность национальности, равнодушных к родине, к ее чести и достоинству, предающих ее или из фанатической приверженности отвлеченным утопиям и ложным интернационалистическим идеям, или из низкой корысти и продажности»[14]. Продолжавшаяся «мировая борьба народов есть событие еще большее по своему

значению, чем революция, — полагал он. — Революция вызвана войной, и она может быть осмыслена лишь в связи с войной»[15].

«Русская революция есть событие производное от мировой войны. Она есть эпизод мировой войны», утверждал Бердяев после заключения Брестского мира[16]. «Характер русской революции определился тем, что она была порождением войны», — повторял он на исходе жизни[17]. «К 1917 г., в атмосфере неудачной войны, всё созрело для революции, — писал Бердяев в одной из своих последних работ. — Старый режим сгнил и не имел приличных защитников. Пала священная русская империя, которую отрицала и с которой боролась целое столетие русская интеллигенция»[18]. А подводя итоги Октябрьского переворота, он заключал, что «русский народ не выдержал великого испытания войны»[19].

Бердяев раскрыл также еще один важный аспект революционного переворота в России. «В русской революции победил новый антропологический тип», — отмечал он. «Война сделала возможным появление этого типа»[20]. «Новый антропологический тип вышел из войны, которая и дала большевистские кадры», — замечал Бердяев в своей духовной автобиографии[21]. «Уже война выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устроение жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе», — писал Бердяев в другой своей книге[22]. «Неудачная война создала наиболее благоприятные условия для победы большевиков», — продолжал он. «Именно война с ее навыками и методами переродила тип русской интеллигенции. Методы войны перенесены были внутрь страны. Появился новый тип милитаризованного молодого человека»[23].

Уже в ранних статьях Бердяева на революционные темы поднимается тема национальной государственности. «С внешней точки зрения, — писал он в апреле 1917 г., — произошел политический переворот, каких много бывало в истории. С более же глубокой точки зрения произошло событие исключительной важности и значительности: пало тысячелетнее священное русское царство, с которым связаны были великие упования и иллюзии, последнее священное царство в мире. И это падение священного русского царства по значению своему может быть сопоставлено с падением Рима и Византии». «Конец этого царства был позорный», — констатировал русский мыслитель. «Такого падения монархической идеи не знал ни один народ»[24]. Вместе с тем, Бердяев поднимал важнейшую для него тему о судьбе русской культуры. «Ослабление и падение русского государства будет также ослаблением и падением русской духовной культуры», — предупреждал он[25]. «Русская революция есть кризис русской культуры», — подчеркивал Бердяев[26]. В его представлении, катастрофа произошла «в самых первоосновах русского общества и русской культуры, она произошла в глубине духа народного»[27].

«В массовом стихийном движении», которое развернулось после Февраля, писал Бердяев, «явно преобладают интересы личные и групповые

в ущерб целому, в нем нет самоограничения, в нем слишком много корыстного и захватного»[28]. «Немало было также маниловщины в первом периоде революции и в революционном временном правительстве», — отмечал он[29]. Оценивая деятельность Временного правительства, Бердяев подчеркивал: власть «имеет объективную природу, она не может быть совершенно субъективной и произвольной, партийной и классовой». «Власть есть обязанность, бремя и служение». Но революционная власть не соответствовала этому идеалу. «Принцип демократии понят у нас прежде всего как недоверие и подозрительность ко всякому проявлению личного начала», — замечал Бердяев в связи с этим[30]. Поэтому он категорически не принимал «идейного убожества тех кругов, которые со слишком большой гордостью именуют себя демократическими»[31].

«Каждый день стихийного нарастания анархии и разложения влечет Россию в бездну и готовит ей рабство, рабство чужеземное и рабство у собственных темных сил, которые одинаково есть и с крайне правой, и с крайне левой стороны», — говорилось в его статье, опубликованной после июньской демонстрации в Петрограде[32]. А после июльских событий 1917 г. тон Бердяева становится еще более тревожным. «Распадается всё более и более нравственное единство народа и подвергается опасности само существование единого и великого государства, которое невозможно без минимума такого нравственного единства», — констатировал он. Между тем, подчеркивал русский мыслитель, не закончился еще «суровый труд истории, масса человечества не вышла еще из необходимости жить под законом, и миссия государства не выполнена еще и не доведена до конца»[33]. Констатируя «полное отсутствие чувства ответственности и долга» у власть предержащих, он заключал: «Государство и общество распадается на дробные части, отменяя тысячелетний процесс»[34].

«Старая русская монархия утонула в мути, во лжи, в предательстве и в провокации, — писал Бердяев в июле 1917 г. — Она не столько была свергнута, сколько сама разложилась и пала. Русская революция не столько была результатом накопления творческих сил, творческих порывов к новой жизни, сколько результатом накопления отрицательных состояний, процессов гниения старой жизни»[35]. Но по мере развертывания революционного процесса «Россия подменяется революцией, которой она также приносится в жертву», продолжал он[36]. «Революция подверглась нравственному растлению». «Во имя “революции” теперь допускается такая же ложь, какая раньше допускалась во имя “монархии”». И эта «ложь с самого начала отравила русскую свободу»[37]. Между тем, в «нынешний грозный час дело идет о спасении родины, спасении России, а не революции», полагал Бердяев[38]. «Лишь меньшинство сознаёт сейчас единство России, лишь меньшинство обращено к ценностям великого целого», — с тревогой писал он в эти драматические дни лета 1917 г.[39]

«Последний удар был нанесен старой власти, когда был изобличен ее непатриотический, ненациональный, предательский по отношению к России характер, — констатировал русский мыслитель. — Старая власть пала прежде всего

потому, что она не хотела и не способна была защищать Россию от внешней опасности, что она оставила беззащитным, безоружным русский народ перед лицом грозного врага. Старая власть пала потому, что она стала во враждебное отношение ко всему русскому народу, ко всем слоям, всем классам. Она стала нестерпимой для всех». Но после революции началось «раздувание классовой борьбы, вызванное не безотлагательными потребностями жизни, а отвлеченными учениями или непросветленными инстинктами»[40].

Собственная позиция Бердяева в развернувшемся противостоянии проявилась в его суждениях о корниловском выступлении. «Трагические события, связанные с именем генерала Корнилова, говорят о том, что мы продолжаем жить в атмосфере двусмысленности и мути», — писал он в сентябре 1917 г. «Ныне господствующие в русском государстве силы так же не терпят правды и света, как не терпели их силы, господствовавшие в старом строе». «Слишком ясно для честных людей, что в обвинениях против генерала Корнилова накопилась чудовищная ложь, обман и путаница», — указывал Бердяев. А «отрицать героический патриотизм ген. Корнилова и его беззаветную преданность родине может лишь злая воля или корыстный расчет»[41]. «Надругательство над свободой и достоинством слова достигло своего крайнего выражения, когда разыгралась корниловская трагедия», — добавлял он позднее, осуждая правительственную «ложь о “мятеже” генерала Корнилова»[42].

«Происходит лишь быстрая смена министров, которые судорожно пытаются образовать сильное национальное правительство, — писал Бердяев после создания последнего коалиционного кабинета, — но эта перестановка атомов производит впечатление болезненного бессилия, и ничто существенное от нее не меняется». В «это исключительное время хотят спасти Россию политическими комбинациями, ничего существенного не меняя, ни от чего не отказываясь, ничем не жертвуя и не рискуя», — продолжал он. «Наша революционная политика заражена ложью, она быстро гниет и вырождается. Ложь была допущена в самой первооснове власти революционной демократии»[43]. «Нет у нас и никакого здорового, творческого демократического движения, — заключал русский мыслитель. — Демократия понимается у нас столь извращенно, что напоминает какой-то пасквиль и карикатуру»[44]. «Русская революция есть изобличение лжи демократии как верховного принципа жизни», — отмечал Бердяев незадолго до Октября. «В основе русской революции лежит не столько ложная политика, сколько ложная мораль», — полагал он[45]. По его мнению, в результате Февральской революции «нация пришла к самоубийству»[46]. «Демократия, которая признаёт себя верховным и единственным принципом жизни, уже ничему не подчиненным, есть, конечно, ложь и соблазн, — утверждал Бердяев. — И эта соблазнительная ложь демократии более всего выявляется в русской революции»[47].

«В отвлеченном демократизме и конституционализме есть какая-то неправда», — писал он вскоре после захвата власти большевиками[48]. Показательно

отношение Бердяева к мифу об Учредительном собрании как панацее от всех бед России, который до сих пор культивируется в общественном сознании. «Выборы в Учредительное Собрание будут проходить в физически и душевно ненормальных условиях, фальсифицирующих волю народа», — полагал он[49]. Поэтому «прежде всего следовало бы перестать придавать абсолютное значение такой условной и относительной вещи, как Учредительное Собрание». «Учредительное Собрание само по себе есть лишь пустая форма, которую можно наполнить любым содержанием, как добрым, так и злым», — продолжал Бердяев. «Наше поколение в настроении данного часа не может решать судьбы России», — заключал он[50]. В эти осенние дни русский мыслитель приходил к неутешительному выводу: «То, что у нас называется "революцией", есть сплошная дезорганизация и разложение, смерть государства, нации, культуры»[51]. Этими словами Бердяев подвел трагический итог Февральской революции, которую он встретил с преждевременным энтузиазмом.

В своих последующих работах Бердяев подводил общие итоги революции, радикально изменившей характер русской государственности. «Ядро России — подверглось в процессе революции наибольшему разложению, оно стало очагом большевизма», — писал он. Русская революция «разложила Россию, единую и неделимую, и тяжело ранила русское национальное чувство». «В русской революции обнаружилась темная реакционная стихия, враждебная историческому прогрессу, враждебная всякой культуре большого стиля. Такого отречения от собственной истории, такой измены великим историческим заветам не было еще никогда и нигде», — заключал Бердяев[52]. В итоге — «Русское государство и русская культура были отданы на растерзание темным массам»[53].

Бердяев охарактеризовал основные политические силы и партии, действовавшие в период революции, и показал их роль в происходивших событиях. Еще в 1906 г. он пришел к неутешительному выводу о месте кадетов в революционном движении. Несмотря на личные симпатии к кадетам, русский мыслитель задолго до 1917 г. осознал, что их программа не имела шансов на успех. «Русская революция упорно не желает идти по предначертанному ими пути, она перешагнула уже роковую черту, за которой план, вдохновляющий конституционалистов-демократов, не имеет силы», — заключал он[54]. Отдавая должное кадетам, он тем не менее полагал, что «эту партию можно было бы обвинять в некотором академизме, в переоценке внешних конституционных форм, в неумении привлечь к себе более широкие массы, затронув в них страстные струны, в недостатке силы и воли»[55].

Основное внимание Бердяев уделял идеологиям, положенным в основу партийных программ. С этим связаны его размышления о либерализме, вдохновлявшем деятелей Февральской революции. Еще в апреле 1917 г. он предупреждал: «Политическая революция в России совсем не означает торжества старого буржуазного либерализма, который давно уже идейно разложился и не может

никого вдохновить. И менее всего такой резко антисоциалистический тип либерализма подходит к русскому душевному складу»[56]. По его убеждению, «русские либеральные круги исповедовали довольно поверхностное просветительство и поверхностный позитивизм», которые «разлагают духовную жизнь и подрывают веру в духовные реальности»[57]. Поэтому, заключал Бердяев, не время теперь «для бесхарактерного, лишенного глубокой духовной основы либерализма»[58]. Позднее он писал, что «либерально-демократическое правительство, которое пришло на смену после февральского переворота, провозгласило отвлеченные гуманные принципы, отвлеченные начала права, в которых не было никакой организующей силы, не было энергии, заражающей массы»[59]. «В России революция либеральная, буржуазная, требующая правового строя, была утопией, не соответствующей русским традициям и господствовавшим в России революционным идеям», — заключал Бердяев на склоне лет. Либеральное движение «не имело опоры в народных массах и лишено было вдохновляющих идей»[60].

Но и социализм для него тоже не лучший выбор для России. В представлении Бердяева, социализм «есть лишь пассивная рефлексия на буржуазный мир, целиком им определяющаяся и от него получающая все ценности»[61]. «Идейное убожество социалистического движения поразительно», — замечал он в одной из своих статей[62]. «Не до социализма теперь русскому народу и русскому государству», — писал Бердяев в августе 1917 г. «Русский революционный социализм у нас нравственно провалился и опозорился, потому что он оказался не патриотическим, не национальным и не государственным в момент величайшей опасности для родины, и на него легла зловещая тень германского влияния»[63]. По его убеждению, то, «что у нас в течение полугода называют “социалистическим” движением, представляет нестерпимую ложь и обман и является ширмой для самых низменных массовых инстинктов и для бесстыдного демагогического им потворства»[64].

Еще в июле 1917 г. Бердяев предупреждал, что в сложившейся на тот момент ситуации единственной «истинно революционной стихией остаются большевики, которые и хотят устроить новую революцию против большей части России». «Сфера чистой революционности всё суживается и в конце концов отождествляется с небольшой кучкой, рассчитывающей на демагогическое разжигание страстей в темных массах», — указывал он, полагая, что на этом «процесс “развития” революции не остановится», поскольку «сужение сферы революции пойдет и дальше»[65]. Для него уже тогда выявилась главная «опасность, грозящая от большевиков и анархистов, от темных инстинктов масс, к которым обращена большевистская и анархистская демагогия»[66]. В августе 1917 г. Бердяев посвятил феномену большевизма специальную статью, в которой он приходил к заключению: «Большевизм есть русское, национальное явление, это — наша национальная болезнь, которая и в прошлой русской истории всегда существовала, но в иных формах»[67].

После Октября Бердяев констатировал: «В сущности только большевики и являются носителями революционной стихии в чистой и крайней форме»[68]. Возвращаясь к теме в конце года, после подписания перемирия с Германией, он в азарте писал: «“Социалистический” мир большевиков стал по ту сторону добра и зла, он впал не в безнравственность, а в нравственный идиотизм. Старый “буржуазный” мир создал Великую Россию, великое русское государство, он признавал предрассудок патриотизма, национальной чести, долга перед отечеством. Новый “социалистический” мир отменил государство, расчленил Россию, превратил нашу родину в кучу мусора и надругался над патриотическим чувством, над национальной честью и достоинством в формах, еще невиданных в истории»[69].

Вместе с тем Бердяев сознавал, что в «русской революции утопистами были кадеты, большевики же были реалистами»[70]. Объективно именно «советская власть оказалась единственной возможной в России властью в момент разложения войны, которой русский народ не имел силы вынести, в момент духовного упадка и экономического разгрома, в момент ослабления нравственных устоев», — признавал он. «Только большевики сумели организовать власть в соответствии с изменившимися верованиями народа, в соответствии с кровавой стихией войны», — заключал Бердяев[71]. Большевизм «оказался единственной силой, которая с одной стороны могла докончить разложение старого и с другой стороны организовать новое», — писал русский мыслитель, подводя первые итоги большевистского эксперимента[72].

Основную ответственность за крушение исторической России Бердяев возлагал на революционную интеллигенцию. Еще в феврале 1908 г. он отмечал: «Бюрократия калечила народную жизнь, а интеллигенция калечила народную мысль»[73]. Ответственность, заявил Бердяев в июне 1917 г., падет «на те слои интеллигенции, которые, не ведая глубоко смысла слов, бросают их безответственно, оставаясь на поверхности»[74]. «Ответственность прежде всего падает на революционную, идолопоклонствующую перед народом интеллигенцию, которая не может быть источником света», — писал он[75]. «Причин всех бедствий и всех грехов русской революции нужно искать глубже, чем их обычно ищут», — указывал Бердяев. «Причины эти прежде всего в ложном направлении духа, в ложных идеях, которыми в течение многих десятилетий жила русская революционная интеллигенция и которыми она отравила народные массы». «Большевики — последние русские нигилисты, в них нигилизм интеллигентский соединился с нигилизмом народным, — продолжал он. — Источники всех наших несчастий нужно искать в соединении нигилистических идей интеллигенции с народной тьмой». В ходе событий «русская национальная революция присвоена была себе революционными интеллигентскими кружками и массами, которые пошли за их демагогическими лозунгами», заключал Бердяев[76]. В итоге «революция оказалась антипатриотической и антинациональной»[77].

По его убеждению, необходим был кардинальный переворот в миросозерцании интеллигенции, а до «этого желанного духовного переворота власть в руках русской интеллигенции никогда не будет патриотической и национальной»[78]. Русская революционная интеллигенция, констатировал он в канун Октября, «побывала у власти, и на земле водворился ад»[79]. В эти тревожные дни русский мыслитель отмечал, что во тьму «погружены не только народные массы, но и широкие круги русской интеллигенции. Русская революционная интеллигенция, которая претендует нести свет народу, никогда не была истинно просвещенной, образованной, культурной, она была полупросвещенной, ее сознание было задето лишь поверхностным просветительством»[80]. Интеллигенция, полагал Бердяев, «отравила народ полупросвещением, разрушившим народные святыни и льстившим самым темным народным инстинктам». «На историческом перевале, в самый ответственный час русской истории она разбудила в народе корыстные и злобные инстинкты»[81].

«В первый период революции, до октябрьского переворота, было много сентиментальностей, пышных слов, гуманных лозунгов, — писал Бердяев. — В этой чувствительной и словесной атмосфере не могла быть создана власть. Россия разлагалась и разваливалась всё более и более под управлением фраз»[82]. Подводя итоги пребывания у власти Временного правительства, он писал: «Вот уже несколько месяцев, как Россия поставлена перед неразрешимой задачей — создать сильную государственную власть из человеческого материала, совершенно непригодного для властвования и определения судеб государства, по всему своему прошлому, по душевному своему укладу не призванного к власти и господству в государстве. По мере “развития” революции власть постепенно перешла к русской революционной интеллигенции, к русским социалистам-революционерам и социал-демократам, т.е. к людям, которым и во сне никогда не снилось, что они могут быть у власти, всё миросозерцание и вся психология которых отрицает самый принцип власти». Эта «революционная интеллигенция всегда отрицала власть, и борьба с самодержавной властью перешла у нее в отрицание государства, нации, истории», продолжал Бердяев. «Никакие положительные навыки общественного и государственного строительства не предшествовали у русской интеллигенции ее внезапному и катастрофическому появлению у власти. Интеллигенция привыкла чувствовать себя оторванной от родины, от ее истории, от заветов предков, от государственного и народного целого»[83]. «Вся революционная история русской интеллигенции приучила ее к безответственности», — заключал он[84]. Интеллигенты-революционеры «не способны достойно нести бремя власти, ибо прежде всего понимают власть как право, а не как обязанность», замечал Бердяев[85]. «Русская социалистическая интеллигенция у власти есть явление трагикомического бессилия», — констатировал русский мыслитель. И «пребывание у власти русской революционной интеллигенции <...> есть демонстрация лжи ее основных идей и принципов»[86].

«Русская идейная интеллигенция, принадлежащая к разным лагерям, жила иллюзиями, вдохновлялась ложной верой и призрачными идеями», — писал Бердяев после крушения Временного правительства[87]. Она всегда заимствовала «свои формулы из плохо переваренных и невпопад примененных западных учений»[88]. Подводя итоги своим размышлениям на эту тему, он констатировал: «Русская революция есть тяжелая расплата за грехи и болезни прошлого, за накопившуюся ложь, за неисполнение своего долга русской властью и господствующими классами, за столетний путь русской интеллигенции, вдохновлявшейся отрицательными идеалами и обманчивыми лживыми призраками». «Большевики лишь сделали последний вывод из вашего долгого пути, показали наглядно, к чему ведут все ваши идеи»[89]. «Царство большевизма было пределом движения на ваших путях, в вашем духе», — заключал он[90].

Бердяев первым заговорил о «восстании масс», которое позднее столь ярко описал Ортега-и-Гассет. Еще в феврале 1918 г. он указал на то, что произошло «восстание количественной массы, не подчиненной никакими качествами, сбросившей всякую норму и закон»[91]. «Существенно и характерно в русской революции, — писал Бердяев в связи с этим, — восстание необразованных против образованных, некультурных против культурных, невежественных против знающих, количественного, материального труда против труда же, но качественного, духовного. И характерно, что психология восставших не трудовая, а потребительская психология»[92].

Бердяев предсказал даже ход развития историографии истории революции и показал, что Русская революция не может получить адекватного объяснения с позиций рациональной «исторической науки», поскольку это проблема философии истории. «Я был очень сосредоточен на проблемах философии истории и думал, что время очень благоприятствовало историософической мысли», — вспоминал Бердяев о своих умонастроениях в период революции[93]. Еще в разгар революционных потрясений он высказал немало важных замечаний на эту тему. «Революцию нельзя рассматривать статически, ее можно рассматривать лишь динамически», — отмечал Бердяев[94]. «Поистине “революция” и “реакция” не то означают, что выкрикивают о них на площадях, на митингах и в революционных листках, чем представляются они на поверхности жизни», — полагал он[95]. По его убеждению, «понять революцию может лишь тот, кто умеет установить связь времен, кто настоящее не отрывает от прошлого и будущего»[96].

В сборнике статей, опубликованном в 1924 г., Бердяев пророчески писал: «Русская революция не признана великой, она пока только большая революция, она лишена нравственного ореола. Но найдутся историки, которые ее идеализируют и канонизируют в чине великой, создадут легенду, окружат ореолом, хотя потом явятся другие историки, которые разоблачат эту идеализацию и низвергнут легенду». «Все почти господствующие оценки революции основаны на том предположении, что ее могло бы и не быть и ее можно было бы не допустить или что она могла бы быть разумной и доброй, если бы злодеи больше-

вики не помешали, — продолжал он. — Так делается невозможным постижение смысла революции и духовное переживание ее трагического опыта»[97]. «Объективные историки могут многое выяснить в критике источников, в раскрытии второстепенных исторических причин, но они даже не ставят себе цели понять смысл революции, — писал Бердяев позднее. — Они обыкновенно на известном расстоянии говорят, что революция была необходима, детерминирована прошлым, но раскрытие смысла не дело исторической науки, это есть уже дело историософии»[98]. По его мнению, «феномен революции не может быть оценен ни путем погружения в нее, ни путем реакции против нее. Революцию не понимают ни революционеры, ни контрреволюционеры. Она осмысливается лишь в достижении большей духовной целостности»[99].

Предвидения и предупреждения, с которыми Бердяев обращался к своим читателям, до сих пор не утратили своей актуальности. Достаточно привести один пример: «Нет уже старого самодержавия, нет старого чиновничества, старой полиции, а взятка по-прежнему является устоем русской жизни, ее основной конституцией»[100]. По большей части эти предупреждения не были услышаны ни современниками русского мыслителя, ни его потомками. Более того, нелицеприятная правда обо всех исторических формах российской власти и о русской интеллигенции, высказанная Бердяевым, предопределила ту настороженность и избирательность, которые и в наше время характеризуют отношение к его идейному наследию. Главный вывод из его размышлений неутешителен. «Социальная революция сама по себе не может создать новой, лучшей жизни и новых, более человеческих отношений между людьми», — утверждал Бердяев. По его убеждению, необходимо «соединение революции социальной с революцией духовной, которая всегда глубже социальной»[101]. Но эта духовная революция, полагал русский мыслитель, должна вывести человечество за пределы его земного существования, в котором невозможно появление ни какой-либо разумной власти, ни действенной оппозиции ей. Таким образом, Бердяев предлагал явно нереальный выход из ситуации, что возвращает ее в исходную точку, оставляя открытыми все главные вопросы русской жизни.

---

1 *Бердяев Н. А.* Самопознание. М., 1991. С. 159.
2 *Бердяев Н. А.* К психологии революции // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910. С. 47–48, 50.
3 *Бердяев Н. А.* Народ и классы в русской революции. М., 1917. С. 3.
4 *Бердяев Н. А.* Духи русской революции // «Из глубины». Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 56–57.
5 Там же. С. 61–63.
6 Там же. С. 58.
7 Там же. С. 64.

[8] Там же. С. 66.
[9] Там же. С. 74.
[10] *Бердяев Н. А.* Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. О русских классиках. М., 1993. С. 172.
[11] *Бердяев Н. А.* Интернационализм, национализм и империализм. М., 1917. С. 28.
[12] *Бердяев Н. А.* Положение России в мире // Русская свобода. 1917. № 5. С. 8–11.
[13] *Бердяев Н. А.* Мобилизация интересов (Русская свобода. 17 июля 1917) // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. СПб., 1998. С. 124.
[14] *Бердяев Н. А.* Германские влияния и славянство (Народоправство. 9 августа 1917) // Там же. С. 212–213.
[15] Там же. С. 223.
[16] *Бердяев Н. А.* Философия неравенства // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. Paris, 1990. С. 268.
[17] *Бердяев Н. А.* Самопознание. С. 227.
[18] *Бердяев Н. А.* Русская идея. М., 2010. С. 278.
[19] *Бердяев Н. А.* Была ли в России революция? (Народоправство. 19 ноября 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 110.
[20] *Бердяев Н. А.* Размышления о русской революции // Бердяев Н. А. Новое средневековье. М., 1991. С. 55–56.
[21] *Бердяев Н. А.* Самопознание. С. 230.
[22] *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 101.
[23] Там же. С. 113.
[24] *Бердяев Н. А.* Падение священного русского царства // Русская свобода. 1917. № 2. С. 16–23.
[25] *Бердяев Н. А.* Интернационал и единство человечества (Русская свобода. 22 апреля 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 129.
[26] *Бердяев Н. А.* О характере русской революции // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 377.
[27] *Бердяев Н. А.* Размышления о русской революции. С. 44.
[28] *Бердяев Н. А.* О политической и социальной революции (Русская свобода. 29 апреля 1917) // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 20–21.
[29] *Бердяев Н. А.* Духи русской революции. С. 63.
[30] *Бердяев Н. А.* Власть и ответственность // Русская свобода. 1917. № 6. С. 3–6.
[31] *Бердяев Н. А.* О политической и социальной революции. С. 27.
[32] *Бердяев Н. А.* Свободный народ (Народоправство. 30 июня 1917) // Родина. 1990. № 1. С. 9.
[33] *Бердяев Н. А.* Мобилизация интересов. С. 120–121.
[34] Там же. С. 125.
[35] *Бердяев Н. А.* Правда и ложь в общественной жизни (Народоправство. 24 июля 1917) // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 130.
[36] Там же. С. 133.
[37] Там же. С. 135–136.
[38] Там же. С. 139.
[39] *Бердяев Н. А.* Народническое и национальное сознание (Русская мысль. Июль–август 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 143.
[40] *Бердяев Н. А.* Народ и классы в русской революции. С. 13.
[41] *Бердяев Н. А.* Патриотизм и политика (Народоправство. 25 сентября 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 159–161.
[42] *Бердяев Н. А.* О свободе и достоинстве слова (Народоправство. 7 октября 1917) // Там же. С. 220.
[43] *Бердяев Н. А.* Патриотизм и политика. С. 154–155.
[44] Там же. С. 159.
[45] *Бердяев Н. А.* Демократия и иерархия (Русская свобода. 15 октября 1917) // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 244–245.
[46] Там же. С. 249.

[47] Там же. С. 252.
[48] *Бердяев Н. А.* Об истинной и ложной народной воле (Народоправство. 30 октября 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 191.
[49] Там же. С. 194.
[50] Там же. С. 196–197.
[51] *Бердяев Н. А.* Была ли в России революция? С. 105.
[52] *Бердяев Н. А.* Россия и Великороссия (Накануне. Апрель 1918) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 163–164.
[53] *Бердяев Н. А.* Философия неравенства. С. 277.
[54] *Бердяев Н. А.* Русская Жиронда // Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. М., 2002. С. 437.
[55] *Бердяев Н. А.* Правда и ложь в общественной жизни. С. 137.
[56] *Бердяев Н. А.* О политической и социальной революции. С. 22.
[57] *Бердяев Н. А.* Кто виноват? (Русская свобода. 30 августа 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 101.
[58] *Бердяев Н. А.* Философия неравенства. С. 283.
[59] *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 114.
[60] *Бердяев Н. А.* Русская идея. С. 278.
[61] *Бердяев Н. А.* О буржуазности и социализме // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 33.
[62] Там же. С. 36.
[63] *Бердяев Н. А.* Германские влияния и славянство. С. 213–214.
[64] *Бердяев Н. А.* Патриотизм и политика. С. 157–158.
[65] *Бердяев Н. А.* Контрреволюция (Русская свобода. Июль 1917) // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 111–112.
[66] Там же. С. 115.
[67] *Бердяев Н. А.* Религиозные основы большевизма (Русская свобода. 8 августа 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 37.
[68] *Бердяев Н. А.* Об истинной и ложной народной воле. С. 190.
[69] *Бердяев Н. А.* Мир «буржуазный» и мир «социалистический» (Народоправство. 25 декабря 1917) // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 73.
[70] *Бердяев Н. А.* Размышления о русской революции. С. 37.
[71] Там же. С. 42–43.
[72] *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 114.
[73] *Бердяев Н. А.* Больная Россия // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. С. 91.
[74] *Бердяев Н. А.* О буржуазности и социализме. С. 40.
[75] *Бердяев Н. А.* Торжество и крушение народничества (Русская свобода. 31 июля 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 187.
[76] *Бердяев Н. А.* Кто виноват? С. 93–94.
[77] Там же. С. 99.
[78] *Бердяев Н. А.* Патриотизм и политика. С. 161.
[79] *Бердяев Н. А.* Демократия и иерархия (Русская свобода. 15 октября 1917) // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 243.
[80] *Бердяев Н. А.* Объективные основы общественности (Народоправство. 23 октября 1917) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 38–39.
[81] *Бердяев Н. А.* Духовные основы русского народа (Народоправство. 1 февраля 1918) // Там же. С. 228–229.
[82] *Бердяев Н. А.* Социальный смысл русской революции // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 100.
[83] *Бердяев Н. А.* Власть и психология интеллигенции (Русская мысль. Январь–февраль 1918) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 198–199.
[84] Там же. С. 201.
[85] Там же. С. 203.
[86] Там же. С. 205.

[87] *Бердяев Н. А.* Гибель русских иллюзий (Русская мысль. Январь–февраль 1918) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 113.
[88] Там же. С. 117.
[89] *Бердяев Н. А.* Философия неравенства. С. 279.
[90] Там же. С. 281.
[91] *Бердяев Н. А.* Духовные основы русского народа. С. 231.
[92] *Бердяев Н. А.* Духовный и материальный труд в русской революции (Народоправство. 21 января 1918) // Бердяев Н. А. Собр. соч. Т. 4. С. 68.
[93] *Бердяев Н. А.* Самопознание. С. 231.
[94] *Бердяев Н. А.* Революция и реакция // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. С. 177.
[95] Там же. С. 186.
[96] *Бердяев Н. А.* Народ и классы в русской революции. С. 6.
[97] *Бердяев Н. А.* Размышления о русской революции. С. 35–36.
[98] *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 107.
[99] *Бердяев Н. А.* Русская религиозная мысль и революция // Версты. 1928. № 3. С. 41.
[100] *Бердяев Н. А.* Духи русской революции. С. 61.
[101] *Бердяев Н. А.* Христианство и революция // Новый Град. 1937. № 12. С. 59.

References

BERDÂEV N. A. *Duhovnyj krizis intelligencii* [Spiritual Crisis of Intelligentsia. In Russ.]. St Petersburg, 1910.

BERDÂEV N. A. *Padenie svâšennogo russkogo carstva* [The Fall of Holy Russian Tsardom. In Russ.] // Russkaâ Svoboda. 1917. N 2.

BERDÂEV N. A. *Položenie Rossii v mire* [The Situation of Russia in the World. In Russ.] // Russkaâ Svoboda. 1917. N 5.

BERDÂEV N. A. *Vlast' i otvetstvennost'* [Power and Responsibility. In Russ.] // Russkaâ Svoboda. 1917. N 6.

BERDÂEV N. A. *Internacionalizm, nacionalizm i imperialism* [In Russ.]. Moscow, 1917.

BERDÂEV N. A. *Narod i klassy v russkoj revolûcii* [People and Classes in the Russian Revolution. In Russ.]. Moscow, 1917.

BERDÂEV N. A. *Russkaâ religioznaâ mysl' i revolûciâ* [Russian Religious Thought and Revolution. In Russ.] // Versty. 1928. N 3.

BERDÂEV N. A. *Hristianstvo i revolûciâ* [Christianity and Revolution. In Russ.] // Novyj Grad. 1937. N 12.

BERDÂEV N. A. *Sobranie sočinenij* [Collection of Works. In Russ.]. T. 4. Paris, 1990.

BERDÂEV N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Roots and Meaning of Russian Communism. In Russ.]. Moscow, 1990.

BERDÂEV N. A. *Novoe srednevekov'e* [New Middle Ages. In Russ.]. Moscow, 1991.

BERDÂEV N. A. *Samopoznanie* [Self-cognition. In Russ.]. Moscow, 1991.

BERDÂEV N. A. *O russkih klassikah* [About Russian Classics. In Russ.]. Moscow, 1993.

BERDÂEV N. A. *Duhovnye osnovy russkoj revolûcii* [Spiritual Foundations of Russian Revolution. In Russ.]. St Peresburg, 1998.

BERDÂEV N. A. *Sub specie aeternitatis* [In Russ.]. Moscow, 2002.

BERDÂEV N. A. *Russkaâ ideâ* [Russian Idea. In Russ.]. Moscow, 2010.

"*Iz glubiny*". *Sbornik statej o russkoj revolûcii* [From the Depth. A Collection of Papers about Russian Revolution. In Russ.]. Moscow, 1990.

Список литературы
Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910.
Бердяев Н. А. Падение священного русского царства // Русская свобода. 1917. № 2.
Бердяев Н. А. Положение России в мире // Русская свобода. 1917. № 5.
Бердяев Н. А. Власть и ответственность // Русская свобода. 1917. № 6.
Бердяев Н. А. Интернационализм, национализм и империализм. М., 1917.
Бердяев Н. А. Народ и классы в русской революции. М., 1917.
Бердяев Н. А. Русская религиозная мысль и революция // Версты. 1928. № 3.
Бердяев Н. А. Христианство и революция // Новый град. 1937. № 12.
Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Т. 4. Paris, 1990.
Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
Бердяев Н. А. Новое средневековье. М., 1991.
Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991.
Бердяев Н. А. О русских классиках. М., 1993.
Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. СПб., 1998.
Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. М., 2002.
Бердяев Н. А. Русская идея. М., 2010.
«Из глубины». Сборник статей о русской революции. М., 1990.

В. В. Носков. Своевременные мысли: революция 1917 г. и судьбы русской государственности в восприятии Н. А. Бердяева

Н. А. Бердяев входил в немногочисленную плеяду тех русских мыслителей, которые составляли духовную элиту России в переломный момент ее истории. Он занимал особое место в русской интеллектуальной элите, будучи одновременно и создателем оригинальной философско-исторической концепции, и активным публицистом. Бердяев впервые обратился к проблеме революции в России в период революционных потрясений 1905–1907 гг. и продолжал осмысление этого феномена до конца своей жизни. Главной темой его размышлений была судьба русской государственности и ее трансформация в ходе революции 1917 г. и становления власти большевиков. Бердяев вскрыл глубинные корни Русской революции, уходящие далеко в историю страны. В своем анализе он опирался на профетические прозрения великих русских писателей — Н. В. Гоголя и особенно Ф. М. Достоевского. Наряду с этим Бердяев подчеркивал решающее значение Первой мировой войны в вызревании непосредственных предпосылок революции и неразрывную связь между войной и революцией. Он охарактеризовал основные политические силы и партии, действовавшие в период революции, и показал их роль в происходивших событиях. Основную ответственность за крушение исторической России Бердяев возлагал на революционную интеллигенцию. Нелицеприятная правда обо всех формах российской власти и о революционной интеллигенции, высказанная им, предопределили ту настороженность и избирательность, с которыми до сих пор относятся к его идейному наследию. Бердяев предсказал даже ход развития историографии истории революции и показал, что Русская революция не может получить адекватного объяснения с позиций рациональной «исторической науки», поскольку это проблема философии истории.

Ключевые слова: Бердяев, Россия, Русская революция, философия истории, интеллигенция, либерализм, социализм, большевизм.

V. V. Noskov. Timely thoughts: the 1917 Revolution and fate of Russian statehood as apprehended by Nikolay A. Berdyaev

Nikolay A. Berdyaev belonged to the small Pleiad of Russian thinkers who formed Russian spiritual elite at a turning-point of national history. He occupied a special place in Russian intellectual elite as a creator of original doctrine of philosophy of history and as an active publicist at the same time. For the first time Berdyaev turned his attention to the problem of Russian revolution at the period of revolutionary disturbances of 1905–1907 and continued to grasp this phenomenon throughout all his lifetime. The main subject of his reflections was a fate of Russian statehood and its transformation in the course of the 1917 Revolution and formation of the Bolsheviks' power. Berdyaev revealed deep roots of the Russian revolution which went far back into national history. He based his analysis on the prophetic previsions of great Russian writers — Nikolay V. Gogol'

and especially Fedor M. Dostoevskyi. At the same time Berdyaev emphasized crucial importance of the First World War for ripening out of immediate preconditions of the Revolution and stressed indissoluble ties between the War and Revolution. He characterized the main political forces and parties acting in the revolutionary period and disclosed their role in the course of events. The principal responsibility for the downfall of historic Russia was laid by Berdyaev on the revolutionary intelligentsia. Unflattering truth revealed by him of all forms of Russian government and Russian intelligentsia as well predetermined the alertness and selectness which up to our times characterizes the common attitude to his ideological legacy. Berdyaev predicted even the course of development of historiography of Revolution history and demonstrated that Russian revolution can't be explained adequately from the point of view of rational "historical science" because it's a problem of philosophy of history.

Key words: Berdyaev, Russia, Russian Revolution, philosophy of history, intelligentsia, liberalism, socialism, bolshevism.

Носков, Владимир Витальевич, д. и. н., ведущий научный сотрудник С.-Петербургского института истории РАН.

Noskov, Vladimir V. — Professor, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: vvnoskov@yahoo.com